

Ольга Карпович

Стамбульский
Реванш

Ольга Юрьевна Карпович

Стамбульский реванш

Серия «Под небом Стамбула»

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Ослепленная желанием отомстить красавчику Альтану, отвергшему ее, Виктория выходит замуж за его брата. Но внезапно муж погибает, а Виктория попадает за решетку, обвиненная в убийстве, которого не совершала.

Что остается?! Бежать!

Движимая целью вернуть прежнюю жизнь, Виктория решает наказать виновника всех своих бед – Альтана. Но тому ли она мстит?!

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	23
3	40
4	60
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Ольга Юрьевна Карпович

Стамбульский реванш

В тексте упоминаются социальные сети Facebook и/или Instagram (организации, запрещённые на территории РФ).

Meta Platforms Inc. признана экстремистской организацией на территории РФ.

* * *

Часть первая

1

– Как ты себя чувствуешь, подруга? – спросила Виктория по-турецки. – Sen nasılsın, kızım?

Асино лицо на подушке, окаймленное голубой больничной шапочкой, казалось таким маленьким, бледным. Резко проступившие скулы, бескровные губы, испарина на висках, синева вокруг глаз. Зато сами глаза – огромные, черные, искрящиеся жизнью. Наверное, сознавая, какой контраст они дают с ее изможденным видом, девушка слегка прикрывала веки. К тонкой руке ее тянулась трубка укрепленной над койкой капельницы.

– Не знаю... – слабым голосом произнесла она. – Кажется, уже немного получше. Я ведь скоро поправлюсь, правда?

Ася с надеждой взглянула на медсестру в синем форменном костюме. Лицо у той было суровое, грубое, с глубокими складками у сжатых губ.

– Что, теперь жить захотелось? А зачем таблетки глотала, а? Где вы только их берете? Одна колес наелась, другая на той неделе от передозировки героина чуть не окочурилась. Даже в тюрьме умудряются гадость свою покупать.

– Что вы говорите? Какой ужас! – сочувственно цокнула

языком Виктория.

Ася же молча смотрела на медсестру несчастными глазами. И этим, кажется, все-таки умудрилась ее растрогать. Медработница выговорила, с трудом цедя непривычные слова:

– Ладно-ладно, поправишься ты. Доктор говорит, еще пару дней подержат тебя на капельницах, поколют успокоительное и отпустят. Ничего, отсидишь за свои махинации и на свободу выйдешь. Жизнь длинная, а ты еще молодая.

– Ах, надеюсь, Аллах вас услышит, – прошелестела Ася и, обессилев, откинулась на подушку.

В общей палате, рассчитанной на пятнадцать человек, Ася сейчас была одна. Виктория, подсев поближе к подруге, украдкой оглядела помещение. Кровати, кровати, кровати... В левом углу дверь в душевую, в правом – во внутренние помещения, за спиной – та, в которую они вошли вместе с медсестрой.

– А теперь время делать укол, – проговорила медсестра, набирая в шприц лекарство из ампулы. – Вам пора, – обратилась она к Виктории. – Попрощайтесь с подругой.

Виктория тепло улыбнулась ей.

– Позвольте мне побыть с ней, пока она не уснет. Кто знает, когда мне в следующий раз разрешат ее навестить?

В голубых глазах ее блеснули слезы. Медсестра задумалась. В принципе, разрешив Виктории побыть в палате у пациентки еще немного, никакую инструкцию она не наруша-

ла.

– Хорошо, – наконец согласилась она. – Только не мешайте. Возьмите стул и садитесь вон там, в проходе.

– Конечно, – кротко отозвалась Виктория, отошла в сторону и взялась за спинку стула.

Медсестра тем временем подошла поближе к койке, командовала Асе:

– Оголите плечо, пожалуйста.

Занесла шприц. На кончике сверкнула крошечная капля лекарства. Виктория метнулась к ней быстро и бесшумно, как тень. Размахнуться как следует в тесноте, между коек, не получилось, и потому стул, обрушившийся медсестре на голову, не вырубил ее, только оглушил. Она тяжело осела на пол, оторопело водя глазами по сторонам. Ася, сориентировавшаяся мгновенно, выхватила у нее шприц и с размаху засадила иглу медсестре в ногу. Виктория же, отбросив стул в сторону, одним прыжком опустилась на пол рядом с медсестрой и зажала ей рот, не давая заорать.

Та забилась в их руках, замычала, призывая на помощь, попыталась вывернуть руку и добраться до тревожной кнопки в кармане формы. Но девушки навалились на нее всем весом. А затем начало действовать лекарство, и с каждой секундой медсестра все больше слабела.

– Ну что? – коротко спросила Ася, переходя на русский, когда тело медсестры обмякло, а глаза закатились.

– Готова, – кивнула Виктория. – Раздевайся.

Ася, еще пару минут назад едва способная шевелиться от недомогания, лихо закрыла капельницу, выдернула из вены катетер, зашипела, когда из ранки брызнула кровь, но тут же прижала к ней кусок ватки, заготовленный медсестрой для укола. А затем стянула через голову больничную сорочку.

Вдвоем они принялись натягивать ее на медсестру, с трудом ворочая тяжелое неподатливое тело.

– Вот же туша, – отдуваясь, пробормотала Ася.

Затем сорвала с головы шапочку и надела ее на медсестру.

– Отлично, – оценила результат их работы Виктория. – Теперь в кровать ее, лицом к стене отвернем, одеялом прикроем. На какое-то время прокатит.

– Да она раза в три меня больше, – недоверчиво протянула Ася.

– Ну извини, искать твоего двойника среди медперсонала времени не было, – фыркнула Виктория. – Хватай ее за ноги.

– Погоди, дай отдышусь.

Ася присела на пол, с трудом переводя дыхание. Теперь стало видно, что она и в самом деле измождена. На висках и верхней губе выступила испарина, синяки под глазами стали еще чернее.

– Ты как, нормально? – спросила Виктория, с тревогой взглянув на подругу.

– Ну, насколько может быть нормально после лошадиной дозы колес, – усмехнулась Ася. – Но не переживай, я зна-

ла, сколько глотать, чтобы изобразить убедительную попытку суицида, но при этом не откинуться. Хорошо, Фатима не подвела, я ей все сбережения отдала за таблетки. Все, давай!

Ася поднялась на ноги, наклонилась и ухватила медсестру за щиколотки. Виктория подсунула руки ей подмышки и вздернула тело вверх. Изловчившись, они с Асей свалили спящую глубоким сном медсестру на кровать, перекатали на бок и укрыли одеялом.

– Ффух, – выдохнула Виктория. – Первый пункт есть. Переходим дальше.

– Достала? – спросила Ася, устремляясь к задней стене палаты, где виднелась серая металлическая дверь.

Виктория, кивнув, вынула из-под трикотажной тюремной куртки и вложила ей в руку массивные переставные плоскогубцы.

– Дверь! – на ходу бросила Ася.

Виктория, уже было бросившаяся за ней, вернулась и защелкнула задвижку на двери в палату. Ясно было, что охрану это не остановит, но, возможно, задержит на некоторое время.

– Как тебе удалось? – спросила Ася, пытаясь захватить плоскогубцами болт, которым крепился замок к двери, ведущей во внутренние помещения медблока.

– Что? Достать плоскогубцы? – Виктория усмехнулась. – Сломала машинку в швейной мастерской, попросила вы-

звать мастера – мол, спать не могу, как желаю трудиться на благо Турции, а возможности нет. Пока он ее чинил, свистнула у него из инструментов.

– Отлично, – кивнула Ася. – Тогда я здесь, а ты – в душ.

Она махнула рукой влево, на стеклянную дверь, на две трети покрашенную белой краской – так, чтобы охране видны были только головы находящихся там женщин.

Пока Ася взламывала дверь во внутренние помещения, которая должна была сбить с толку и направить по ложному следу погоню, Виктория метнулась в душевую, резко опустилась на пол, на колени, и провела рукой по серым плиткам. Ага, вот оно. Одна из плит – та, в которой находился сток, выступала краями над остальными. Виктория попыталась подцепить ее пальцами, сдвинуть вправо, влево... Ничего, нужен был инструмент.

– Ты закончила? – крикнула она Асе.

– Сейчас... Еще минуточку...

Виктория выбежала обратно в палату, отодвинула миниатюрную Асю от двери.

– Дай я. – Она всем телом навалилась на дверь, и наконец в замке что-то щелкнуло, дверь поддалась и с тихим скрипом приоткрылась.

– Видишь? – Виктория коротко нервно улыбнулась. – Для таких дел требуется большая русская женщина.

– Зато маленькая чеченская женщина разработала план побега, – фыркнула Ася.

И подружки снова рванули в душевую. С плоскогубцами процесс пошел быстрее, и вскоре нужная плитка была снята. Под ней открылся канализационный короб, посреди которого шла толстая черная труба. Вокруг вились трубы поуже, поблескивали металлические сочленения, видны были проржавелые вентили. Из короба затхло пахло сыростью и нечистотами.

Обе женщины застыли на четвереньках, разглядывая открякшийся перед ними лаз.

– Ну что, вперед? – азартно спросила Ася, вскинув голову и быстро сверкнув на Викторину глазами.

Та же с секунду медлила с ответом. Ей стало вдруг страшно. До последнего момента весь этот Асин план казался авантюрой, сюжетом для приключенческого романа. Она и сама как-то писала нечто подобное – про героиню, удирающую по коммуникациям из дома, в котором ее заточил взбесившийся любовник. Да, обсуждать детали было интересно, это помогало раскрасить однообразные дни в турецкой тюрьме, давало надежду, шанс не упасть духом окончательно. Но теперь, когда теория закончилась и осталось претворить придуманное в жизнь...

Что с ними будет, если их настигнут? Сразу застрелят? До смерти избыют прикладами? А если не настигнут, если просто они сами погибнут в этой проклятой канализации? Захлебнутся в нечистотах? Не найдут выхода?

– Ну же, давай! – отчаянно прошептала Ася. – Без тебя

мне не спуститься. Роста не хватит...

Но Виктория все медлила, замороженно глядя на уходивший в глубину проход.

В коридоре раздались шаги. Кто-то дернул за ручку запертой двери в палату. Еще раз. Затем раздался приглушенный женский голос:

– Кажется, замок в палате заклинило. Позовите мастера!

Отступить было поздно. И Виктория решилась. Перегнувшись вниз, ухватилась рукой за тонкую, покрытую ледяным конденсатом трубу. Хорошо еще, что горячую воду тут, в тюрьме, давали только на два часа в день, иначе бы обожгла ладонь. Вцепившись в трубу изо всех сил, Виктория оттолкнулась ногами от пола и протиснулась вниз. На секунду зависла в пустоте, не чувствуя под ногами опоры. Нужно было прыгать. Прыгать наугад, не зная, какое расстояние отделяет ее от твердой поверхности. Надеясь только на то, что она не разобьется, не вывихнет ногу.

Над головой, в светлом квадратном проеме, оставшемся от убранной плитки, зависло лицо Аси. Бледное, с сузившимися зрачками и набрякшей от неудобного положения кожей. Она коротко обернулась назад – видимо, в дверь уже колотили изо всех сил, затем снова взглянула на Викторию. И та, решившись, разжала пальцы.

Сердце замерло и сжалось, дыхание перехватило. А в следующую секунду ее подошвы уже коснулись дощатого перекрытия. Высота оказалась небольшой.

– Я стою! – задрав голову, сообщила она Асе. – Давай!

Та, повторяя движения Виктории, уцепилась за трубу одной рукой и проскользнула в отверстие, зависнув над перекрытием. Виктория поспешно шагнула ближе и перехватила ее лодыжки.

– Держу, – сказала она вполголоса. – Становись.

Ася, подтянув левую ногу, поставила ее Виктории на плечо. Затем проделала то же самое правой.

– Ох, – сдавленно охнула та. – Не такая уж ты и миниатюрная горная серна.

– Скажи спасибо, что от меня на тюремном пайке остались кожа да кости, – со смешком отозвалась Ася.

И, все так же держась за трубу левой рукой, правой стала прилаживать на место плитку. Та, проскрипев по полу, неровно прикрыла отверстие, оставив треугольную дыру, в которую пробивался луч света. Ася, изловчившись, сдвинула ее еще чуть-чуть, и в канализационном коробе наступила полная темнота.

Под ногами хлюпало. Голова кружилась от плотного влажного смрада. Полотняные штанины намокли, набухли от воды и липли к ногам. Но главное, пробираться приходилось в кромешной темноте. В протянувшиеся под всей территорией тюрьмы коммуникации не проникало ни лучика света. Они двигались невыносимо медленно. Перед каждым шагом приходилось, выставив руки вперед, ощупывать пространство перед собой.

– Черт, фонарик бы... – прохрипела Ася.

– Ну прости, я могла стащить только что-то одно – либо фонарь, либо плоскогубцы, – отозвалась Виктория. – Я, знаешь ли, все же писатель, а не профессиональная воровка.

– А жаль! – хихикнула невидимая в темноте Ася. – Воровка бы нам не помешала.

– Ну, надо было придирчивее выбирать себе компаньонку, – огрызнулась Виктория.

Говорили они мало. И для того, чтобы не расходовать на болтовню драгоценные силы, и потому, что в окружавшем их зловонии просто не хотелось лишний раз набирать в грудь воздуха, чтобы заговорить.

В очередной раз выставив вперед руки, Виктория наткнулась на глухую стену. Едва не вскрикнула от ужаса, решив, что они пришли в тупик. Но затем все же пошарила по сторонам и убедилась, что в этом месте короб, по которому они передвигались, раздваивался, один его рукав уходил налево, другой направо.

– Куда нам? – спросила она.

– Налево, – помедлив, ответила Ася.

– Ты что, не знаешь точно?

– Слушай, я, по-твоему, тут экскурсии каждый день вожу? Я вообще-то здесь тоже в первый раз.

– Но ты же говорила, что начертила план тюрьмы и поняла, как располагаются коммуникации?

– Начертила. Я и говорю, налево. Согласно плану. Кажет-

ся...

– Твою же.

Конечно, глупо было рассчитывать, что они легко выберутся на свободу. В конце концов, писательница и финансовый аналитик были явно не теми людьми, в активе которых значатся десятки успешно разработанных и осуществленных побегов. Но только теперь Виктория начинала понимать, насколько их план был зыбок. Весь строился на предположениях – допустим, коммуникации располагаются так, допустим, нам удастся пробраться по ним до дождевого стока, находящегося за пределами тюремной территории... Ася вроде бы его видела, обратила внимание, когда ее сюда везли. А если они свернули не туда? Если никакого дождевого стока там нет? Что тогда?

Но отступить было некуда. Виктория повернула налево, тут же ударилась плечом о металлическое сочленение труб и глухо охнула. Рукав, кажется, промок. Понять бы еще от чего – от крови или сочащейся из труб затхлой жижи?

– Ты цела? – в спину ей спросила Ася.

– Пациент скорее жив, чем мертв, – буркнула Виктория.

И, не обращая внимания на боль в онемевшем плече, двинулась вперед.

Вдруг за спиной истошно заорала Ася.

– Что? – Виктория резко обернулась, силясь разглядеть хоть что-то в темноте, зашарила перед собой руками, пытается определить местоположение подруги.

– Там что-то... – слабым голосом пропищала Ася. – Что-то... вокруг моей ноги... обвилось.

– Змея? – холодея, спросила Виктория. – Водяная змея?

– Я не знаю... – жалобно отозвалась Ася.

– Твою же мать...

Виктория опустила на корточки. Сердце, казалось, колотилось в горле. Если это и в самом деле змея... Если она сейчас неосторожно коснется ее и та укусит...

Она протянула руку вперед, трясущимися пальцами коснулась чего-то холодного, склизкого...

– Гадюка?.. – шепотом спросила Ася.

Виктория осторожно потянула с ее ноги длинное. И вдруг ощутила под пальцами круглый кусок пластика. Пуговицу!

– Ага, гадюка турецкая сортирная, – с облегчением выдохнула она. – Поздравляю, подруга, открыла новый вид. Войдешь в историю.

– Ффух, – повеселела Ася. – И что это было?

– Да тряпка какая-то. Не знаю, пояс, что ли, кто-то утопил.

Ладно, поплыли дальше.

Вскоре короб, по которому они пробирались, стал как будто уже. Идти теперь приходилось пригнувшись, чтобы не удариться головой о потолок. Мелкой Асе, наверное, было проще. У Виктории же очень скоро мучительно заболела шея. А на очередном повороте стало ясно, что дальше можно пробираться только ползком.

– Что делать? – Виктория теперь даже обернуться не мог-

ла.

Собственно, особого смысла в этом все равно не было, так как разглядеть хотя бы очертания Аси в густой тьме было невозможно. Поначалу она надеялась, что со временем глаза привыкнут к темноте. Может, они и привыкли, только тьма от этого менее плотной не стала.

– А что нам остается? Хочешь повернуть назад? – спросила в ответ Ася.

– А что, если дальше проход еще сильнее сузится? Если мы застрянем тут и сдохнем, как крысы в ловушке?

– По крайней мере, это будет нетривиальная смерть. Спорим, тебе такое никогда не приходило в голову, когда ты задумывалась о том, каким будет твой смертный час?

Против воли, Виктория негромко рассмеялась. Кажется, притушить оптимизм Аси неспособно ничто.

Она села на пол, опершись спиной о стену, переводя дыхание перед тем, как попробовать двинуться дальше на четвереньках. Штаны промокли окончательно. Но это было ничего, даже лучше. Проще сейчас притерпеться к мокрой, пропитанной бог знает каким дерьмом ткани, чем ползти вперед, чувствовать, как она влажнеет с каждым движением. А вот плечо беспокоило всерьез. Если там открытая рана, в нее в этом смрадном подземелье обязательно попадет инфекция. А ей даже перевязать ссадину сейчас нечем. Проползти десятки метров под землей, в буквальном смысле по колено в дерьме, и сдохнуть от заражения крови? Какой

абсурд...

– Как думаешь, нас уже ищут? – спросила Ася, пристраиваясь рядом.

Виктория по-прежнему не видела ее. Но теперь чувствовала теплое прикосновение плеча подруги.

– Может, и нет, – задумчиво отозвалась она.

– Нет? Но ведь вторая медсестра должна была заметить, что ее коллега куда-то испарилась.

– Слушай, подруга, ты у нас разбираешься в технических вопросах. А я, если в чем и понимаю, так это в человеческой природе, – наставительно произнесла Виктория. – Никому из этих гримз совершенно не улыбается, чтобы пропакла заключенных обнаружилась во время их дежурства. За такое в лучшем случае премии лишат и вовсе выпрут отсюда. А в худшем... Как бы еще не впаяли срок за пособничество. Или там, не знаю, преступную халатность.

– То есть, ты думаешь, она не станет поднимать шум? – с надеждой в голосе спросила Ася.

– Думаю, вполне вероятно, что она, даже что-то обнаружив, досидит тихонечко до конца смены и свалит. А то, что мы исчезли, выяснится уже только тогда, когда на пост заступит ее сменщица.

Виктория старалась говорить уверенно, хотя сама никакой уверенности не чувствовала. Это все тоже были лишь предположения. Допустим, медсестра испугается и не захочет подставляться. Допустим, за время ее смены никто не за-

глянет в палату. Допустим, отсутствия Виктории в корпусе не обнаружат до вечернего построения... Но лучше было верить в то, что все сложится именно так, чем представлять себе, что где-то над их головами уже обыскивают все закоулки тюрьмы и вот-вот доберутся до коммуникаций.

– Ладно, чего гадать, – бросила наконец Ася. – Пошли.

– Пошли – это громко сказано. Поползли! – возразила Виктория и, опустившись на четвереньки, медленно двинулась в темный узкий проем.

Она потеряла счет времени. Порой начинало казаться, что она ползет здесь, в бесконечной зловонной черноте, уже несколько суток. Что никакой прежней жизни – в которой она была переводчицей, писательницей, лихой русской, любящей путешествия и приключения, страстной натурой, на пороге тридцати шести лет влюбившейся, как школьница, не слишком счастливой в браке женой – и не было никогда. Что вся жизнь просто привиделась ей в этом вонючем ужасе, в монотонном движении в никуда. Среди снующих вокруг крыс и прочей дряни.

А может, она умерла? Может, их с Асей просто застрелили при попытке побега? И они попали прямиком в ад, сами не заметив этого? В самом деле, могло ли что-то в этой вселенной быть страшнее, чем это барахтанье в нечистотах?

С Асей они давно уже не разговаривали. Не осталось ни сил, ни желания издавать хоть какие-то звуки, кро-

ме тяжелого дыхания. Виктории иногда начинало казаться, что она давно уже отстала от нее, растворилась в окутывающей их тьме. И лишь по прерывистому вздоху удавалось понять, что подруга здесь, движется вслед за ней, отчаянно стараясь не потерять надежды.

Когда впереди забрезжил свет, Виктория сначала решила, что ей померещилось. Тем более что и свет был едва заметный, рассеянный, сделавший тьму вокруг лишь чуть менее плотной. Но через пару секунд Ася толкнула ее в спину:

– Ты видишь?

И тогда она, больше не боясь, что все это – игра воспаленного рассудка, выдохнула:

– Да... Да, вижу!

Свет лился сверху, добравшись до места и задрав головы, девушки увидели далеко вверху прутья железной решетки.

– Вот он! – вскрикнула Ася. – Дождевой сток. За воротами тюрьмы. Помнишь, я говорила, что мы до него доберемся!

– Неужели дошли? – еще не веря, пробормотала Виктория.

– Дошли! Дошли! Мы на свободе! – ахнула Ася и, тихо смеясь, добавила: – Обнимать тебя не буду. Я вся в дерьме.

– Как будто я лучше, – тоже не удержалась от смеха Виктория.

В голове стучала навязчивая мысль, что рядом со стоком их уже могут караулить охранники, но высказывать ее вслух она не стала. Что уж теперь? Будь что будет.

К металлической решетке вели вделанные в стену железные перекладины – этакая импровизированная лестница.

– Плоскогубцы у тебя? – спросила Виктория, взбираясь на первую ступень. – Давай!

– Может, лучше я? – предложила Ася.

– Да у тебя опять сил не хватит ее сдвинуть, – возразила Виктория. – Давай уж мне.

Вооружившись плоскогубцами и кое-как обтерев их о штаны, она полезла вверх. Ася поднималась за ней. Решетка крепилась большими проржавевшими болтами, и Виктория поначалу решила, что справиться с ними будет непросто. У нее ведь и так уже почти не осталось сил. Но, как ни странно, болты вывернулись легко, как будто кто-то недавно вывинчивал их или как минимум смазывал маслом. Убрав последний, она изо всех сил надавила на решетку, и та со скрежетом сдвинулась влево.

– Давай! Давай! – отчаянно шептала снизу Ася.

Виктория надавила снова, потом еще, и решетка сдвинулась окончательно, открыв прямоугольную дыру, над которой тускло мерцал какой-то свет. Не такой яркий, как солнце, скорее рассеянный.

«Уже ночь. Взошла луна...» – думала Виктория, устремляясь наверх.

Воздух... Неужели она сейчас вдохнет свежий воздух? Наконец-то, после стольких часов в вони и ужасе.

Уцепившись руками за край дыры, она рванулась вперед,

тяжело перевалилась через край и рухнула на землю. Перевернула дыхание, огляделась... И сердце в груди заледенело, камнем провалилось куда-то вниз.

Прямо перед ней стояли ботинки. Коричневые кожаные ботинки, распоротые по шву, чтобы в них легче помещались гигантские ноги. Эти самые ноги уходили от растоптанных туфель вверх, могучие, как древнегреческие колонны. Виктория проследила за ними взглядом, увидела грязно-белую куртку, такой же колпак, а между ними румяную усатую рожу, с интересом следящую за нею глазами.

Ох, да ведь это была даже не улица. Не проселочная дорога позади тюрьмы, рядом с которой и должен был, по расчетам Аси, находиться дождевой сток. Это было техническое помещение, большое, уставленное вдоль стен какими-то стеллажами и замысловатыми приспособлениями, в данный момент тускло освещенное синеватыми длинными лампами под потолком.

Ася, вылезшая вслед за Викторией, успела выдохнуть:

– Свобода! – и тут же осечься.

Потому что толстяк в разрезанных ботинках в этот самый момент шагнул к ним ближе, с кряхтением опустился на корточки и, склонив голову к плечу, негромко спросил:

– И куда же это вы собрались?

2

Это был конец. Их выследили. Их поймали... Что теперь? Опять суд, новый приговор? Благодаря которому она останется в турецкой тюрьме до самой смерти? Господи, как же так получилось? Как с ней, известной русской писательницей, переводчицей и абсолютно благополучной женщиной, могло произойти... такое?

А началось все полгода назад, в первых числах октября. Летняя жара уже спала, воздух стал прохладнее и свежее. А небо то нависало низко, цепляясь лохматыми краями облаков за шпиль мечети, то вдруг, опомнившись, начинало снова сиять летней голубизной. И во всем этом сумасшедшем и страстно любимом Викторией городе ощущалось предчувствие скорой зимы и отчаянная надежда удержать уходящее лето хотя бы еще на несколько мгновений. В один из таких ласковых осенних дней Виктории позвонили с киностудии с предложением перевести для российского проката новый турецкий фильм «Тень горы».

После школы Виктория окончила Московский иняз, став обладательницей диплома переводчика художественной литературы с турецкого языка. Специальность была востребованная и редкая – в основном все ее сверстники выбирали английский, чуть реже немецкий, испанский, французский.

И потому Виктория со своим дипломом без работы не оставалась. Книжки, фильмы, сериалы, в конце концов, просто тексты этикеток изготовленных в Турции товаров. Она бралась за любые предложения – и ради практики и потому, что жизнь вдвоем с матерью (отец исчез в неизвестном направлении еще в ее далеком детстве, и Виктория его не помнила) роскошью не баловала. Так и получилось, что к двадцати пяти годам Виктория стала уже известным в российских и турецких издательских и киношных кругах переводчиком. Безденежье отступило, теперь она могла позволить себе выбирать ту работу, которая была интересна с профессиональной точки зрения. Книжные новинки-бестселлеры, артхаусные фильмы, если сериалы, то только самые качественные и захватывающие.

Первый раз в Турцию Виктория съездила еще в студенческие годы, на практику. И влюбилась в эту удивительную страну, совмещающую в себе культурные особенности Востока и бешеный ритм Запада, с первого взгляда. Первым турецким городом, в который она попала, оказался курортный Мармарис. Виктория навсегда запомнила его удивительный воздух, пропитанный запахами моря и сосновой смолы, запомнила обрывистые скалы, бесконечно чистое глубокое море и невероятный яркий подводный мир, на который ей удалось взглянуть на одной из экскурсий.

Побывала она в тот приезд и в Каппадокии. Видела древнейшие горы, насчитывавшие в своей истории несколько ты-

сяч лет. Таинственные расселины и пещеры, в которых сердце замирало в груди от неизъяснимого восторга.

После пришло время и для Стамбула с его романтичными розовыми закатами, запахом кофе, башней, где заточали строптивых султанш, со знаменитым дворцом Топ Капы, с ароматом кальяна в районе Султан Ахмет и жареных каштанов на улице Истикляль. В общем, духом Турции Виктория прониклась с первого же приезда, полюбила эту страну и решила, что непременно постарается связать с ней свою жизнь.

Здесь было интересно, непривычно и... забавно. Внешне Виктория представляла собой типичную «русскую красавицу». Высокая, статная, с кожей, склонной от любых переживаний покрываться нежнейшим румянцем, с безмятежным взглядом васильковых глаз, с пшеничными волосами, струящимися по горделиво расправленным плечам, она производила на турок парализующее впечатление. Завороженные взгляды, бесчисленные комплименты, попытки в первые же минуты знакомства предложить руку и сердце – все это преследовало ее с первых часов, проведенных в Стамбуле. Но самым уморительным было наблюдать, как вытягивались лица у восхищенных поклонников, стоило им вдруг осознать, что под ласкающей взгляд кроткой внешностью Василисы Прекрасной скрывался твердый, авантюрный характер, склонный к скептицизму.

Нет, Виктория не спешила соглашаться на предложения о замужестве, сопровождаемые обещаниями счастливой безбедной жизни в вилле на берегу моря. Не потому, что была убежденной противницей брака или семьи, и не потому, что боялась связывать судьбу с турком. Разница менталитетов и вероисповеданий не пугала ее, она знала, что турки, особенно турки из Стамбула, по воспитанию и мировосприятию гораздо ближе к европейцам, чем жители других мусульманских стран. Просто пункты «муж» и «семья» значились в ее списке приоритетов далеко не первыми. Жизнь, сама жизнь, вот что интересовало ее больше всего. Путешествия, приключения, возможность посмотреть мир, работа, творчество – это было первично. А семья... Что же, если когда-нибудь сложится – с турком ли или с россиянином, – она будет не против. Но сама искать тихой гавани не станет. По крайней мере, пока.

Сочинять истории Виктория начала так давно, что и не помнила, когда ей впервые пришла в голову такая фантазия. Еще толком не умея писать, она выцарапывала печатными буквами пришедшие в голову сценки и обрывки диалогов – при этом делала это на чем придется. И не раз получала головомойку от матери за то, что испортила своими каракулями отчет, который та притащила с работы, чтобы посидеть над ним вечером. Время шло, рассказы становились все менее наивными и более изобретательными, вот только Виктории никогда не приходило в голову попробовать показать их

кому бы то ни было. Это было так, хобби, несерьезное маранье бумаги.

И только после первой поездки в Турцию внутри что-то перевернулось, щелкнуло, и Виктория поняла, что просто не выдержит, если не поделится ни с кем впечатлениями. Собственная голова по ощущениям напоминала паровой котел. Эмоции, подсмотренные сценки, дофантазированные в новом колорите истории бурлили внутри, кипели, булькали и требовали немедленного спуска пара, грозя в противном случае взорваться. И Виктория решилась – почти ни на что не надеясь, отослала в первое попавшееся издательство рукопись под названием «Солнце Стамбула». Нет, она не мечтала немедленно построить головокружительную писательскую карьеру и уж точно не рассчитывала, что когда-нибудь сможет зарабатывать этим на жизнь. Переводы были надежным, серьезным, а главное, любимым ремеслом. А отправка романа на суд знающих людей была скорее своеобразным жестом психотерапии.

Но в издательстве ее книгой заинтересовались. Объявили вдруг, что это свежо, ново, остро. Что у Виктории легкое перо, неповторимый стиль, а герои ее выглядят настолько живыми, что, кажется, вот-вот соскочат с бумажных страниц и ринутся куролесить в реальной жизни.

Роман опубликовали. Преувеличением было бы сказать, что он стал бомбой, взорвавшей российские литературные круги. Однако книга была замечена, заслужила положитель-

ные рецензии, нашла своих читателей. А издательство заключило с Викторией договор на собственную серию. И через несколько лет Виктория Стрельцова уже была автором, которого знали и в России, и в Турции (разумеется, переводила свои книги на турецкий она сама). Читатели обеих стран любили ее, ждали новинок, приходили на творческие встречи. А сама Виктория жила на две страны, вернее, на два города, ставших ей одинаково дорогими, – Стамбул и Москва, и затруднялась сказать, какой из них считает своим настоящим домом.

К тридцати пяти у нее было, пожалуй, все, о чем только можно мечтать. Известность, успех, постоянный доход – не такой, чтобы купаться в роскоши, но вполне позволяющий жить так, как хочется. Возможность заниматься тем, что нравится, и получать за это неплохие деньги. Свобода от каких-либо обязательств, благодаря которой можно было вдруг, по наитию, срываться в путешествие или, наоборот, запирается дома, отключать телефон и устраивать себе день релаксации. Может быть, такой стиль жизни кто-то назвал бы эгоистичным, но Виктории всегда было наплевать на чужое мнение. Она жила так, как ей нравилось, по несколько раз в год летала из Москвы в Стамбул и обратно, пару раз едва не выскочила замуж – один раз за редактора из Москвы, другой за университетского преподавателя из Стамбула, но в конце концов всегда делала выбор в пользу независимости.

Именно такой, успешной, молодой, красивой, свободной, способной кружить головы своей славянской красотой и ставить в тупик умным, язвительным разговором, она чувствовала себя в тот день, когда ехала на киностудию – обсудить детали предлагаемой ей работы.

Фильм, о котором шла речь, Виктория еще не видела. Но, судя по тому, что сказал ей в телефонном разговоре продюсер – и судя по известной ей фамилии режиссера, – проект был серьезный, артхаусный, и отнестись к нему стоило со вниманием.

В то утро она проснулась в странном настроении. То ли сказалось всегда царящее в Стамбуле осенью желание задержать ускользающее лето, то ли то, что день выдался не по-осеннему жаркий. Но отчего-то внутри что-то тревожно и радостно подрагивало, требовало немедленно сделать что-то, чтобы солнечный карнавал не заканчивался. И, повинувшись этому смутному чувству, Виктория оделась для визита на киностудию легко – в летящее светлое платье и белые открытые туфли. Вошла в здание киностудии, поднялась по лестнице, свернула в коридор и... Она даже не сразу поняла, что произошло. Несколько секунд просто смотрела вниз, на собственные босоножки, по светлым кожаным мыскам которых расплывались коричневые пятна. Потом оторопело подняла глаза и встретила взглядом с незнакомым парнем, так же растерянно созерцавшим зажатый в руке стакан, из которого расплескался кофе.

Удивительно, он явно был ее ровесником, может, даже на пару лет старше. Возраст проглядывал в мелких лучиках морщинок, расходящихся от уголков глаз, в складках у губ. И все же лицо его оставалось неуловимо мальчишеским – может, благодаря живой мимике или открытому, даже чуть вызывающему взгляду зеленых с коричневыми крапинами глаз. А может, все дело было в улыбке – лукавой и ласковой одновременно. Так или иначе, но этот незнакомый парень, столкнувшийся с ней в коридоре и расплескавший кофе ей на туфли, был чертовски обаятельным.

– Ох, простите...

Виктория не успела ничего сказать, не успела даже оценить ущерб – определить, только туфли пострадали или подол светлого платья тоже безнадежно испорчен, как мужчина вдруг опустился перед ней на колени. Одним плавным, по-кошачьи грациозным движением вытащил из нагрудного кармана зеленого поло пачку бумажных носовых платков и принялся вытирать ее обувь.

– Что вы? Зачем? – попыталась запротестовать она.

Он же вскинул голову, посмотрел снизу вверх и улыбнулся ей этой своей озорной и одновременно нежной улыбкой, от которой на впалых щеках образовывались ямочки. Сверкнули идеальные белые ровные зубы.

– Вы такая красивая. Не прощу себе, если из-за меня вы целый день вынуждены будете ходить в забрызганных туфлях.

Он снова занялся ее обувью. Виктория же замерла, разглядывая его макушку. Волосы у него были длинноватые, достигающие почти до подбородка и чуть подвигающиеся на концах. Темно-каштановые, почти черные, но в солнечных лучах вспыхивавшие медными искрами.

От всей этой ситуации Викторию охватило какое-то странное волнение. Необъяснимое. Да, парень был обаятельным, тут не поспоришь. Такая улыбка... И поразительно красивым, просто глаз не отвести. Но все же для нее, женщины взрослой и опытной, этого было мало, чтобы смутить.

Позади послышались голоса, и в коридор вышла группа молодых людей, что-то весело обсуждающих на ходу. Увидев открывшуюся перед ними сцену, они зашумели еще оживленнее, а один крикнул даже:

– Что, Альтан, любовь с первого взгляда? Решил сразу предложение сделать?

– Извините, – сказала парню Виктория, когда весельчаки скрылись за поворотом коридора.

Он же, стерев с ее туфель последнее пятнышко и легко вскочив на ноги, махнул рукой:

– Ерунда! – И добавил, заглянув ей в глаза: – На самом деле, он не так уж неправ.

Виктория невольно рассмеялась. Парень – его звали Альтан, она запомнила, – тоже улыбнулся. Пора было расходиться в разные стороны.

– Мне все же неловко, – сказала Виктория. – Из-за меня

вы свой напиток расплескали...

А Альтан внезапно перебил:

– А знаете что? Давайте, когда мы встретимся с вами в следующий раз, вы угостите меня кофе? Чтобы загладить вину.

– А вы уверены, что мы встретимся еще раз? – вскинула брови Виктория.

– Уверен! – решительно закивал Альтан. – Обязательно встретимся. Это судьба! У меня предчувствие...

– Знаете, я не верю в предчувствия. И в судьбу, – отрезала Виктория.

Такой откровенный флирт – пускай даже исходящий от создания поразительной красоты – переставал ей нравиться. Альтан же улыбнулся загадочно, бросил:

– Вот и проверим! – И пошел прочь по коридору.

Виктория видела, как он допил остатки кофе и, смяв стаканчик, выбросил его в урну.

Приключение, конечно, получилось забавным. И даже где-то волнующим. Однако она пришла сюда по делу. Делом и стоило заняться.

Продюсер и автор сценария фильма «Тень горы» ждали ее в небольшом кабинете. Оба начали встречу с потока комплиментов. Как они рады, что такой блестящий переводчик и признанный классик современной литературы заинтересовалась их проектом. Как Виктория ослепительно выглядит, поистине, одаренный человек одарен во всем. И так далее,

и так далее. Проведя в Турции много лет, Виктория уже знала цену пышным восточным любезностям, а потому поспешила прервать этот поток красноречия:

– Давайте к делу, господа. Расскажите мне подробнее о фильме и о том, какие условия вы предлагаете.

Сценарист принялся пересказывать ей краткое содержание картины, продюсер вносил свои замечания. Затем уточнил, сколько времени они могут выделить на перевод и какая предполагается оплата. Предложение Викторию вполне устроило, однако, когда все детали были уже обговорены, продюсер вдруг добавил:

– И еще одно. Дело в том, что речь одного из героев фильма довольно специфическая. Он говорит на помеси турецкого языка и курманджи, северно-курдского. Актер, который играл этого персонажа, специально ездил в район Кайсери, чтобы освоить этот диалект, занимался со специалистом, который ставил ему речь. К сожалению, этот человек сейчас в отъезде, и мы подумали, что вам удобно будет проконсультироваться по поводу речи персонажа с исполнителем этой роли.

– Да, это может быть полезно, – кивнула Виктория.

– Где он? – нетерпеливо спросил продюсер, обернувшись к своему ассистенту. – Ты договорился с ним на два часа?

– И утром перезвонил еще раз, напомнил время, – подтвердил ассистент. – Должен быть здесь. Если, конечно... – Он не договорил, но показательно закатил глаза.

Продюсер, нахмурившись, выругался и, обернувшись к Виктории, смущенно пояснил:

– Он человек довольно... своеобразный. Взбалмошный, порывистый... Рассчитывать на него сложно. Но артист крайне талантливый, вы сами убедитесь.

– Ничего, я не спешу, – отозвалась та.

По роду занятий ей нередко приходилось общаться с актерами, как турецкими, так и российскими, работавшими на дубляже переводных фильмов, писателями и прочей творческой братией. И Виктория привыкла к их нраву.

Ассистент продюсера отошел в глубь кабинета и начал названивать по мобильному, видимо, тому самому пропавшему актеру. Продюсер и сценарист тем временем пытались развлекать Викторию светской беседой. Оба так очевидно боялись, что она разозлится на опоздание и уйдет, отказавшись от проекта, что Виктория посмеялась про себя. В конце концов, это было чертовски приятно – чувствовать себя такой нужной и востребованной.

Наконец дверь кабинета распахнулась. Продюсер процедил сквозь зубы:

– Наконец-то.

– Добрый день! Прошу прощения, я опоздал, – поздоровался вошедший.

Виктория обернулась на голос и не смогла сдержать изумленной улыбки. В дверях кабинета стоял тот самый красавец с мальчишескими ямочками на щеках, который облил кофе

ее туфли, а затем так непосредственно рухнул на колени.

Парень, разумеется, тоже узнал ее и расплылся в уже знакомой обаятельной улыбке. Правда, судя по тому, что в глазах его не промелькнуло ни тени изумления, можно было предположить, что он ожидал ее здесь увидеть. Видимо, еще там, в коридоре, откуда-то знал, кто она такая.

– Почему вы опоздали? – спросила она. – Еще кого-нибудь облили?

– Нет. – В зеленоватых, с карими искрами глазах мужчины – Альтана, вспомнила Виктория, – плясали чертенята. – Выбирал кофейню, в которую мы с вами пойдем. Я ведь говорил, что мы еще встретимся. А вы зря не верите в судьбу.

Продюсер, в недоумении переводивший взгляд с Виктории на Альтана и обратно, наконец вклинился в разговор:

– Вижу, вы уже знакомы с Альтаном. Альтан Фират и есть тот самый актер, исполнитель роли, о которой я вам говорил.

– Надеюсь, говорили хорошее? – перебил его Альтан, не сводя глаз с Виктории.

– Мне сказали, что на вас трудно положиться, – ввернула Виктория с усмешкой.

– Клевета! – отреагировал Альтан. – Сущяя клевета. Можете даже не сомневаться, что свой кофе я с вас требую обязательно.

Со встречи они ушли вместе. И через несколько минут действительно оказались в одной из кофеев, располагавших-

ся неподалеку от киностудии. Альтан много шутил, вообще казался каким-то искрящимся жизнью, неутомимым, легким и пьянящим, как шампанское. Его обаянию было трудно противиться. К тому же он явно делал все, чтобы понравиться Виктории, завоевать ее интерес.

Однако, анализируя позже все произошедшее, Виктория понимала, что по-настоящему потеряла голову не тогда, когда они с Альтаном пили кофе, разговаривали так оживленно, будто были знакомы всю жизнь, и хохотали как безумные. И не тогда, когда они бродили по вечернему Стамбулу, заходя в бары, останавливаясь посидеть в скверах, глядели с моста на плавно катящий свои воды Босфор. Нет, что действительно зацепило ее, опрокинуло и вывернуло наизнанку – это фильм, в котором она впервые увидела игру Альтана.

Она сразу же решила, что раз им с Альтаном предстоит поработать над речью его героя, то и фильм, который она будет переводить, лучше посмотреть вместе с ним. Вдруг он подскажет ей еще какие-то нюансы. В обычных обстоятельствах звать едва знакомого мужчину к себе Виктория не стала бы. Но с Альтаном ей с первой же минуты было так легко, он казался настолько ненавязчивым, приятным и близким ей по духу человеком, что она, не сомневаясь ни секунды, пригласила его назавтра в свой отель, чтобы вместе оценить, что же это за арт-хаусный проект, над которым ей предстоит работать.

Отель «Grand Cevahir», в котором Виктория всегда останавливалась в Стамбуле, был расположен в центре. Не предназначенный для туристов, он размещал людей, приезжавших в Стамбул по работе, и потому здесь почти всегда было тихо и спокойно. Временами тут устраивались конференции или какие-то другие мероприятия, но постояльцам они несколько не мешали. Виктория, как постоянный гость, всегда занимала один и тот же номер и привыкла мысленно относиться к нему как к своему стамбульскому дому.

Главный менеджер являлся большим поклонником ее книг. И потому вот уже который год апгрейдил забронированный Викторией номер за 70 евро в сутки до двухкомнатного люкса. В награду за труды прося только, чтобы любимая писательница поужинала с ним в ресторане отеля.

На этот раз Альтан явился без опоздания, да еще и принес с собой бутылку хорошего вина. Они расположились в гостиной, распили по бокалу за встречу. Затем Виктория щелкнула пультом, запуская фильм на экране телевизора. И все. Ровно с этого мгновения ее жизнь сделала крутой рывок.

С первого же своего появления на экране Альтан приковывал к себе внимание зрителя намертво. Он играл роль молодого курда, вынужденного вступить в борьбу за права своего народа, однако по ходу сюжета, пережив ряд потрясений, понимающего, что свободу нельзя купить кровью, и пытающегося сделать все, чтобы примирить враждующие стороны. От него невозможно было отвести взгляд. Зритель радовал-

ся, плакал, загорался надеждой и умирал вместе с ним. Виктория не могла понять, в чем кроется эта магия. Вот на экране его лицо крупным планом – он не рыдает, не кривит страдальчески губы, не закатывает глаза, не делает других драматических жестов. Он лишь несколько раз беспомощно моргает и чуть заметно дергает уголком рта. Но того, кто смотрит на него с экрана, захлестывает такая волна отчаяния и безысходности, что, кажется, дальше невозможно будет жить.

После того как фильм закончился, они еще несколько минут сидели в молчании. На экране застыл кадр, в котором сраженный смертельной пулей герой Альтана лежал, распростершись на камнях. По его искаженному страданием лицу бежали строчки титров. Виктория поняла вдруг, что в комнате стало темно. Оказывается, солнце село, пока они смотрели фильм. А она и не заметила. Да что там, она вообще на эти два с половиной часа полностью выпала из реальности, забыла обо всем. И теперь, как внезапно разбуженная сомнамбула, растерянно оглядывалась по сторонам, силясь понять, где находится.

Альтан напряженно смотрел на нее из стоящего напротив кресла. Лицо его в сумраке комнаты казалось бледной маской. К своему удивлению, Виктория поняла, что в уголках губ его не таится обычная усмешка. Что, кажется, он утратил эту свою обычную легкую манеру общения, способность ко всему относиться несерьезно и смотрит на нее будто осужденный в ожидании приговора. Ну разумеется, она ведь

за весь фильм не издавала ни звука. И сейчас продолжала молчать. Должно быть, он решил, что ей не понравилось, что она в шаге от того, чтобы отказаться от проекта.

Нужно было скорее развеять это заблуждение, но Виктория – что случалось с ней крайне редко – просто не находила слов. Все они сейчас казались бессмысленными, неточными, не способными выразить то, что она испытала, смотря картину.

Глаза Альтана становились все отчаяннее. И Виктория в конце концов решилась. Она поднялась с кресла, в два шага преодолела разделявшее их расстояние, наклонилась и, взяв его лицо в ладони, поцеловала в сомкнутые губы. Альтан, явно не ожидавший такого поворота, вздрогнул. Замер, а затем резко подался вперед, обхватил руками ее шею и страстно ответил на поцелуй. Локтем он задел стоявший на столике бокал с вином, тот с тихим звоном стукнулся об пол, по плиткам растеклась багровая лужа. Но Виктории сейчас было не до того. Видно, так уж у них повелось с первой минуты – вносить в жизнь друг друга раздор и хаос.

3

Следующие несколько недель остались в памяти Виктории как время постоянного эмоционального напряжения, когда внутренний тумблер настроения за считанные секунды переключался с абсолютного счастья к самому черному отчаянию. Счастьем было сидеть вместе с Альтаном перед экраном, снова и снова прокручивать особо драматические моменты фильма, слушать, как он объясняет точное значение непонятных ей курдских слов.

Счастьем было позже, когда работа над переводом «Тени горы» была закончена, ходить к нему на репетиции в театр. Альтан, приглашенный на роль Астрова в постановке «Дядя Ваня», упросил Викторию выступить русскоязычным консультантом. И так ей довелось увидеть его не только на экране, но и на сцене, где потрясающее актерское дарование Альтана било наотмашь.

Когда какая-то сцена ему не удавалась, когда не получалось поймать тонкий оттенок эмоции, Альтан принимался метаться туда-сюда, щелкать пальцами, закрывать лицо ладонями. Иногда бессильно падал в кресло, запускал руки в волосы, ерошил пряди – и такой, встрепанный, раздраженный, с блестящими азартом глазами, становился еще больше похожим на мальчишку, сорванца и выдумщика. Хотелось подойти к нему, пригладить вихры, успокоить поцелу-

ями пылающий лоб. Довольно часто тем и заканчивалось – не в самом театре, конечно. Но как только режиссер отпускал всех, Виктория с Альтаном запрыгивали в такси и неслись в ее отель или к нему на квартиру.

Счастьем было ловить на себе восхищенный взгляд зеленых с коричневыми крапинами глаз, чувствовать горячие губы на шее. Просыпаться рядом с Альтаном и рассматривать чистые идеальные линии его лица, его порочную и в то же время очень манкую, притягательную красоту. Тонкий нос, резко выступающие надбровные дуги, точеный подбородок, легкий шрам под глазом. Ямочку на щеке, которая в минуты, когда губы не улыбались, превращалась в крошечную, едва заметную морщинку.

Слушать его голос – мягкий, вкрадчивый баритон, который умел так лихо кружить голову, то обволакивая бархатными интонациями, то срываясь на горячечный шепот:

– Ты самая лучшая. Я никогда таких не встречал.

Вечерами, когда у Виктории начинала голова идти кругом после работы над переводом или очередной книгой, а Альтан приезжал вымотанный после репетиции, они срывались на прогулку по ночному Стамбулу, чтобы бродить по улочкам Кадыкей, где прошло детство Альтана. Попытаться сквозь яркую толпу развеселых туристов разглядеть дома XVII–XVIII века, заставляющие задуматься о том, какой была здешняя жизнь в прошлых столетиях. Проникаться ощущением вечности, незыблемости этого удивительного горо-

да. Потерять друг друга где-то в переулках Султан Ахмет, в арабской части Стамбула, где порой кажется, что тебя занесло куда-то в Марокко. Метаться в панике среди лепящихся друг на друга домишек, лавок, уличных торговцев и шпаны и хохотать от облегчения, выйдя наконец к мечети и обнаружив там такого же перепуганного ее исчезновением Альтана.

Все это было счастьем.

Несчастьем же было то, что Альтан оказался именно таким, каким охарактеризовал его продюсер фильма на той первой встрече. Невероятно талантливым и обаятельным, но взбалмошным, человеком, на которого невозможно рассчитывать. Он мог вдруг исчезнуть на несколько дней – не предупредив, пропустить назначенную встречу. Не отвечал на звонки, не появлялся в сети. Поначалу Виктория злилась на сорванные планы, затем начинала волноваться – мало ли что могло случиться с этим безрассудным мальчишкой в огромном разноликом Стамбуле. Альтан возникал вдруг, как ни в чем не бывало, на ее пороге. Улыбался этой своей невозможной нахально-ласковой улыбкой, за которую, казалось, можно простить все. Лез обниматься, тыкался носом в шею, обдавая запахом трехдневного перегара вперемешку с его собственным неповторимым древесным ароматом, тянул бархатным голосом:

– Викааа, я так по тебе соскучился. Знаешь, ты вызываешь привыкание. Все время хочется новой дозы.

– То есть, пропадая вот так, ты пытаешься соскочить? – язвила она.

Альтан же уже обнимал ее жадными руками, шептал:

– Ну брось, не дуйся! Я так давно тебя не видел, не будем тратить время на ссоры.

Извиняться он, разумеется, не умел. Да и смысла в извинениях не было, ведь он совершенно не раскаивался в своем поведении.

Несчастьем было и то, что он не доверял ей, не спешил делиться новостями и проблемами. Наоборот, ревностно оберегал границы. А попытки расспросить и предложить помощь воспринимал в штыки, мгновенно раздражаясь и выстраивая между ними непроницаемую стену.

Однажды – еще в самом начале знакомства, когда они, работая над очередным эпизодом фильма, сидели на полу перед экраном – Виктория с ноутбуком на коленях, Альтан рядом, с бокалом красного вина, которым всякий раз сопровождал трудовой процесс, – у него зазвонил мобильный. Альтан взглянул на экран и сразу сник, померк, будто кто-то прикрутил яркость изображения.

– Да, – сухо ответил он в трубку. – Да, понял. Нет, не могу сейчас. Нет, я... – Он помолчал, слушая голос в трубке, стиснул лоб ладонью, в напряжении потер пальцами сразу залегшие на переносице глубокие морщины и наконец бросил коротко, резко: – Хорошо. Я буду.

Сунул телефон в карман и тут же, ничего не объясняя,

вскочил на ноги и принялся собираться.

– Мне пора.

– Куда? Почему? Мы же только начали? – не понимала Виктория.

Он же, казалось, уже не видел ее, метался по комнате, собирая разбросанные вещи – куртку, сигареты, зажигалку.

– Послушай, – встревоженная происходящим, обратилась она к нему. – У тебя что-то случилось? Какие-то неприятности? Может быть, я смогу помочь?

– Что ты пристала ко мне? – вдруг, развернувшись, бешено заорал он.

Виктория до сих пор никогда его таким не видела. Бледный от ярости, дерганый, с каким-то диким затравленным взглядом, он ничем не напоминал того смешливого, по-кошачьи грациозного, обаятельного парня без возраста, которого она знала и – приходилось в этом признаться – успела полюбить. Слегка растерявшись от такой метаморфозы, она отшатнулась, не решаясь приблизиться к Альтану. Он же сам наступал на нее, злобно цедя сквозь зубы:

– Что ты о себе возомнила? По какому праву ты лезешь в мою жизнь? Ты мне никто! Даже не думай, что тебе удастся привязать меня к своей юбке. Я свободный человек, я ничего тебе не должен и всегда буду приходить и уходить, когда захочу!

С этими словами он вылетел из номера.

Его не было три дня. Три дня, за которые Виктория успе-

ла пройти стадии от гнева: «Что он себе позволяет? Я не та женщина, с которой можно так себя вести!» – до принятия и прощения – «Наверное, у него случилась какая-то беда, поэтому он сорвался. Только бы с ним все было хорошо».

Альтан появился утром четвертого дня. Виктория просто наткнулась на него утром, спустившись в лобби отеля. Он сидел в самом дальнем кресле, задвинутом за кашпо с фикусом. От входа его было не видно, но Виктория, спустившись по лестнице, сразу его заметила. Альтан, кажется, дремал. По крайней мере, когда она присела рядом с ним и заглянула ему в лицо, глаза его были закрыты. Потом ресницы дрогнули, он взглянул на нее и тут же улыбнулся своей проклятой подкупающей улыбкой. Спросил:

– Ты очень торопишься? Побудь со мной немного.

А в номере тут же повалился на диван, поймав Викторию за талию, притянул ее к себе, обхватил руками и моментально уснул, уткнувшись ей в плечо. Естественно, ни объясняться, ни извиняться он не стал, очевидно, считал, что того, что он все же вернулся, уже должно быть достаточно.

Никому другому никогда в жизни Виктория не позволила бы поступать так с собой. Но в Альтане было что-то такое, что не давало долго на него злиться. То ли его талант, то ли бьющее наотмашь обаяние, то ли искренность, с которой он чудил, как будто бы честно не понимая, что делает не так. А может быть, она за тридцать пять лет жизни просто впервые по-настоящему влюбилась. И, несмотря на большой

опыт общения с турецкими мужчинами, позволила себе поверить, что и его связывают с ней настоящие чувства.

Как бы там ни было, эти столкновения с лихвой окупались проведенными вместе часами. Однажды, например, Альтан пригласил Викторию поехать на Принцевы острова – на яхте его друга, вместе с большой компанией. Но на месте, улизнув от всех, они остались вдвоем, укрылись на уединенном пляже и смотрели на уже по-осеннему высокие волны. Альтан, нашарив ее руку и сжав пальцы, шептал куда-то ей в волосы:

– Как я устал, если бы ты знала. Устал от постоянного притворства, от маски, которую мне приходится носить. Только здесь, вдали от людей, я могу быть настоящим. Здесь и... с тобой.

– Но ведь у тебя есть семья, друзья, – возражала Виктория, пытаясь приободрить его, стереть страдальческую складку между бровей. – Разве они чего-то требуют от тебя? Разве не готовы принять тебя любимым?

– Друзья? – невесело усмехался Альтан. – Поверь, как только меня перестанут снимать, никого не останется. Они роятся вокруг только потому, что я известен, что мой последний фильм получил премию на Пекинском кинофестивале. Бездарности и завистники. А семья... – Он внезапно махнул рукой и отвернулся, пряча глаза. – Не будем о моей семье.

– Не будем, – покладисто согласилась Виктория и обняла его крепче.

Через минуту Альтан уже целовал ее, шепча под рев волн какую-то ласковую чушь.

– Как так получилось, что я никогда раньше не смотрела твоих фильмов? – спросила она однажды, когда они в очередной раз прокручивали на экране особо драматический эпизод «Тени горы», над диалогом в котором хотели поработать. – Я ведь много сотрудничала с турецкими киностудиями, а тебя не заметить невозможно.

Первое, самое острое и яркое впечатление от игры Альтана, конечно, уже притупилось. И все же всякий раз, стоило Виктории увидеть на экране его героя, запутавшегося, замаравшего руки кровью борца за свободу, в глубине души оставшегося наивным романтиком, верящим в добро и справедливость, она ощущала, как вдоль позвоночника бегут мурашки. Это было поразительно – невиданное чудо, какой-то божественный уровень перевоплощения.

Альтан нервно дернул ртом, и Виктория испугалась, что он сейчас опять вспылит – как происходило всякий раз, когда она вольно или невольно затрагивала неприятную для него тему. Однако на этот раз он, как ни странно, ответил:

– Был не самый лучший период в карьере. Приходилось сниматься в заштатных сериальчиках. Ты такими не занималась, конечно. Тупое мыло, в котором мне и играть-то было нечего. Ерунда совершенно не моего уровня.

Это завораживало в нем – то, как без малейшей тени скромности или смущения он отзывался о собственном актерском даровании. И в этом тоже чувствовалось этакое хвастливое мальчишество. В ком-то другом, возможно, это насторожило бы, вызвало негативные эмоции, но у Альтана непрошибаемое самомнение выглядело так же очаровательно, как и прочие несовершенства, казалось, только придававшие пикантности его образу.

– А что случилось? Почему так произошло? – поинтересовалась Виктория.

Он поморщился, начал было что-то говорить. Но тут же перебил сам себя:

– Но, между прочим, эти многосерийники подарили мне такую народную любовь, которая вам, интеллектуалам от искусства, и не снилась. Что, не веришь? – Он азартно взглянул на нее.

– Почему же? Охотно верю. Тебя невозможно не любить, – произнесла Виктория и тут же осеклась.

Это было впервые, когда она озвучила чувства, которые испытывала к Альтану. Пускай не осознанно, невольно оговорившись, но... В груди толкнулось волнение, кровь прилила к щекам. Однако Альтан, похоже, ничего не заметив, уже потащил со стола ноутбук и принялся тыкать пальцами в кнопки клавиатуры.

– Сейчас я тебе покажу. Где же... А, вот он!

Он с победным видом развернул ноутбук экраном к ней,

и Виктория увидела страницу фанатского аккаунта в инстаграме, представлявшую собой коллаж из фотографий Альтана.

– Видишь? Это мои фанатки сделали, – рассмеялся он. – Обожают меня. Что они тут пишут, ты бы видела. Хочешь, почитаем? Оборжаться можно.

Альтан принялся щелкать мышкой, открывая комментарии под фотографиями. А затем, закатив глаза, стал декламировать с придыханием:

– «Свет моей жизни! Бесподобный, прекрасный актер и самый красивый мужчина, которого я когда-либо видела». «Девочки, представляете, я на днях встретила его в клубе... Как же он красив! Это что-то невероятное». «А правду говорят, что у него роман с актрисой?..» – «Глупости! Не слушайте сплетни! Он ни за что не стал бы встречаться с этой пустышкой».

Закончив читать, он расхохотался и отодвинул от себя ноутбук. Виктория, неприятно удивленная таким бахвальством, спросила осторожно:

– Послушай, может, не стоит так отзываться о своих зрительницах? Ведь ты работаешь ради них. Разве они тебя не интересуют?

– А тебя что, интересуют твои читатели? – фыркнул Альтан.

– Конечно, интересуют. Ведь я для них и пишу. Для них и про них...

Она и сама не поняла, почему Альтан вдруг так завелся. Вскочил, принялся мерить комнату шагами, уже знакомо запустил пальцы в волосы, вороша каштановые пряди.

– А они мной интересуются? – внезапно напряженно заговорил он. – Они видят во мне живого человека, как ты считаешь? Или только блестящего плейбоя? Хоть одну из них волнует, почему я вынужден был сниматься в этом слащавом дерьме? Как бы не так, теперь они все очень недовольны тем, что я сыграл в какой-то, по их выражению, «зауми». И очень ждут, когда же я вернусь в их любимое мыло. Поверь, это честная игра, – заключил он. – Они видят во мне Казанову из сериального мыла, а я в них – тупых фанаток, чьим восхищением можно пользоваться.

Он так разволновался, что Виктория, уже зная, на какие вспышки он способен, решила побыстрее сменить тему. Защелкала мышкой, переключая на экране снимки. По большей части это были фотографии со светских вечеринок, киношных тусовок и т. д. Виктория машинально проглядывала их и зацепилась взглядом за фотографию, на которой Альтана обнимал за плечи мужчина, слегка на него похожий. Он явно был старше и ниже ростом, не обладал ни отличным сложением Альтана, ни его манкой красотой, ни природным обаянием. И все же было что-то в его чертах, позволяющее почти безошибочно определить в нем родственника Альтана.

– Слушай, а это кто? – спросила она, развернув ноутбук

экраном к Альтану и показывая ему снимок.

Тот коротко глянул на дисплей, но отчего-то еще больше нахмурился.

– Мой брат, Джан.

– Не знала, что у тебя есть брат, – удивленно протянула Виктория.

– Откуда бы тебе знать? – недобро усмехнулся Альтан.

И Виктория поняла, что ее маневр не сработал. Он все еще злился, бог знает на что. Подобные перепады настроения пугали ее, заставляли задуматься, что же представлял собой Альтан на самом деле. Такой чуткий, тонкий и внимательный человек в хорошем расположении духа, в гневе он совершенно преображался. Становился язвительным, жестоким, мог очень больно обидеть. Выскивал оскорбительный подтекст в случайно брошенных фразах, надумывал какие-то козни, которые якобы плели близкие ему люди против него. И какая же из этих двух противоположных личностей была настоящей? Или они являлись двумя сторонами одной медали и нужно было признать, что Альтан, парень, безусловно, невероятно талантливый, умный и обаятельный, является в то же время избалованным славой и фанатским обожанием эмоционально неустойчивым инфантилом?

В хорошие дни подобные рассуждения в голове Виктории меркли, сдавались под силой притягательности Альтана и отступали на задний план. А в плохие ей не удавалось в них разобраться, так как его внезапные вспышки ярости

не оставляли времени на размышления.

– Что ты вообще обо мне знаешь? – выплевывал он ей в лицо. – Ты же сама ничем не отличаешься от этих куриц из инстаграма. Тебя никогда не интересовала моя жизнь. Что я люблю, а что ненавижу, чего боюсь и о чем мечтаю. Что меня гложет, что не дает мне покоя. Тебе на все это наплевать, ты просто счастлива, что умудрилась заполучить в любовники звезду.

– Альтан, – Виктория из последних сил старалась сохранить самообладание, – ты сейчас чудовищно несправедлив. И сам это знаешь. Тебе завтра будет стыдно за эти слова.

– Ну, конечно! Как всегда, я подонок, а ты святоша! – выкрикнул он, схватил со спинки кресла куртку и выскочил из номера, хлопнув дверью.

Виктория в растерянности остановилась посреди комнаты. Внутри, как и после каждой ссоры с Альтаном, все болело. Но больше всего бесила собственная беспомощность: что она должна была делать? Дать твердый отпор этому пресыщенному неврастенику? Или постараться помочь ему, ведь он же сам страдает от своего несносного характера. А может, стоило вообще стереть телефон Альтана из контактов в мобильном и закрыть для себя эту историю?

С экрана стоящего на столе ноутбука на нее, приобняв за плечи младшего братишку, смотрел Джан и усмехался, будто все про нее знал и заранее предвидел финал этой истории.

Когда все начало разваливаться? Может, именно в тот вечер? Хотя после, конечно, Альтан вернулся и вел себя как ни в чем не бывало, разве что целовал ее особенно нежно, будто безмолвно извиняясь за свое безобразное поведение. А может, сыграло свою роль то, что слухи об их отношениях как-то просочились в театр?

Виктория продолжала иногда бывать на репетициях «Дяди Вани», консультировать режиссера относительно особенностей русской драматургии и жизни в России конца XIX – начала XX века. Это был бесценный опыт – и хотя бы косвенно принять участие в подобной постановке и посмотреть на игру актера такого дарования, как Альтан. Сам он буквально бредил театром, эта часть его карьеры была для него едва ли не важнее, чем киношная. Виктория получала истинное наслаждение, наблюдая за ним на сцене.

Однако они никак не афишировали, что знакомы куда ближе, чем по совместной работе над переводом фильма. На репетициях практически не разговаривали. И все же вскоре по обмолвкам, брошенным вскользь шуткам, стало понятно, что вся труппа уже в курсе. Однажды у Альтана разрядился айфон, режиссер не смог до него дозвониться и набрал Викторию, попросив по возможности поскорее передать Альтану, чтобы он с ним связался. Виктория, как раз находившаяся в его квартире, выполнила просьбу, и Альтан мгновенно помрачнел. Не говоря ни слова, отыскал разря-

дившийся телефон, поставил его на зарядку и набрал режиссера.

– Интересно, с чего он решил, что я увижусь с тобой раньше, чем он сам? – сказала Виктория, когда он окончил разговор.

И Альтан тут же зло выплюнул:

– Даже и не знаю, как такая мысль могла прийти ему в голову. Не иначе кто-то его просветил насчет нас.

Через несколько дней Виктории написала по электронной почте знакомая журналистка из России, попросив дать комментарий по поводу фильма, над переводом которого она работает. Комментарий должен был пойти в интернет-издание, посвященное новинкам зарубежного кинопроката в России. Виктория набросала несколько строк о том, какое сильное впечатление произвела на нее картина «Тень горы», как счастлива она была поработать над таким глубоким материалом. Подробнее остановилась на образе главного героя, блестяще сыгранного замечательным турецким актером Альтаном... и упомянула, какой бесценный опыт она получила, сотрудничая с ним.

А спустя два дня грянул скандал. Произошло это в театре, куда Виктория пришла посмотреть генеральный прогон постановки перед премьерой. Ее помощь здесь была уже не нужна, но очень хотелось взглянуть на Альтана и на весь спектакль целиком.

Альтан опаздывал. И Виктория, привыкшая к его непунк-

туальности, поболтала немного с актерами, с которыми успела познакомиться во время репетиций, перебралась парой фраз с режиссером.

Альтан ворвался в зал раскрасневшийся, злой, с перекошенным от ярости ртом. Виктория не успела даже спросить, что случилось, как он, не стесняясь присутствовавших во круг, начал орать:

– Тебе не надоело повсюду трепаться о наших отношениях? Чего ты добиваешься? Хочешь загубить мне карьеру? Или позвездить за мой счет?

– О чем ты говоришь? – недоумевала Виктория.

Труппа притихла. Все разговоры смолкли, все уставились на них. Исполнительница роли София зашептала что-то Елене Андреевне. Виктория искренне не понимала, что происходит. Почему Альтан с порога набросился на нее. Какая муха его укусила?

– Кому ты наболтала про то, как тебе приятно было поработать со мной индивидуально? Что это стало в твоей карьере бесценным и очень эмоциональным опытом?

– Я... – Виктория, подумав, вспомнила звонок журналистки. – Я написала комментарий о фильме для «Киномана». Это российское интернет-издание...

– Ты что, совсем тупая? – завопил Альтан. – Не понимаешь, что все, что попадает в интернет, тут же раздувается до гигантских масштабов и потом отправляется гулять по сети?

– Послушай, во-первых, я не говорила ничего крамольного... – начала Виктория, чувствуя, как внутри, вместе с обидой, вскипает злость.

В конце концов, сколько можно относиться к этим истерикам с пониманием? Как бы ни восхищали ее талант и поразительная красота Альтана, как бы ни была глубока ее привязанность к нему, каким бы сильным ни было чувство, захватившее ее, но всему же есть предел. Затеять такой скандал, оскорблять ее публично...

– Не говорила? Ну, конечно! – перебил Альтан. – А ты посмотри, что теперь творится на форумах!

Он рывком достал из кармана айфон и сунул его Виктории едва не в лицо. Руки его подрагивали от ярости, и строчки плясали у Виктории перед глазами, мешая что-либо рассмотреть.

– Весь интернет гудит, что у меня роман с русской писательницей! На моем личном сайте фанатки рыдают и волосы на себе рвут. Как же так, их кумир скрыл от них такое событие в личной жизни. Мне пишут в инстаграм, в фейсбук. Дошло до того, что моим родственникам звонят, спрашивая, правда ли, что я женюсь и переезжаю жить в Россию!

– Мне очень жаль, правда, – попыталась все же не сорваться и не наговорить лишнего Виктория. – Но ты же сам понимаешь, ты публичный человек, известный, любимый народом. Наверняка это не первый слух, который про тебя возникает. Особенность интернет-сплетен в том и состоит,

что они забываются так же мгновенно, как вспыхнули. И потом... клянусь тебе, в моем интервью ни слова не было о том, что у нас какие-то близкие отношения. Я могу переслать тебе текст, если не веришь.

– Как будто ты не сможешь его подправить, прежде чем отсылать, – усмехнулся Альтан. – Да, я не верю тебе! О нас все узнали мгновенно. По студии тут же поползли слухи. Откуда, по-твоему, они взялись?

– Может, оттуда, – не выдержав, ядовито процедила Виктория, – что ты сам не слишком-то оберегал свою приватность? Напивался и звонил мне из кабаков и с тусовок? По-твоему, этого никто не слышал, не мог сложить два и два? Вот сейчас, например, ты выясняешь отношения публично. Потом тоже будешь удивляться, почему все в курсе?

– То есть теперь ты меня обвиняешь? – взревел Альтан.

– Я никого не обвиняю. Я вообще не понимаю, что такого уж страшного случилось. Даже если кто-то и узнал... Я что, связь, которой нужно стыдиться? Какая-то уголовница или наркоманка, с которой и появиться рядом нельзя без угрозы погубить свою репутацию?

– Ты – никто! – окончательного расвирепев, заорал Альтан. – Какая-то писака из страны третьего мира, которую никто не знает! Стареющая русская баба. Что, последний шанс, да? Я не позволю тебе пиариться за мой счет. Убирайся! Вон отсюда! И из моей жизни!

Толкнув Викторию плечом, он ринулся к двери зала, рас-

пахнул ее и кивнул головой на выход:

– Проваливай!

– Ну вот что.

Виктория чувствовала, как глаза захлестывает белая ослепляющая ярость, как холодеют виски и кончики пальцев. Она уже не видела замерших вокруг, ловя каждое слово, членов трупы. Режиссера, пытавшегося утихомирить разбушевавшегося актера. Лицо Альтана дробилось и дергалось перед глазами, превращая его в какого-то жестокого паяца, дикого клоуна. В эту минуту ей показалось, будто гнев, поднявшийся внутри мутной душевной волной, смыл из души все чувства к нему, все то сокровенное, теплое и искреннее, что было между ними. Чужой истеричный мужик, распоясавшийся хам, – вот кто стоял сейчас перед ней, указывая ей за порог.

– Я уйду, – негромко, сдерживая клокочущую в горле злость, проговорила она. – Но знай же, что ты – не звезда экрана, не великий драматический актер, ты жалкий неудачник, растративший свой талант на пустые мыльные оперы, а юность и красоту – на пьянство и разврат. И если кому из нас и стыдно показаться рядом с другим, то это мне, а не тебе. Безвольный истеричный придурок, никогда ты не станешь великим артистом, никогда тебе не видать мировой славы. Твой предел – тупые восторженные фанатки в интернете, только для них ты кумир и прекрасный принц. Я уйду. Но имей в виду, что с этого дня не будет тебе покоя. Ты еще

вспомнишь, как обошелся со мной, и горько об этом пожалеешь.

Альтан еще что-то выкрикивал ей вслед, но Виктория уже вышла из зала, сбежала по ступенькам и выскочила на улицу.

Осень в Стамбуле – пора короткая, почти незаметная. И теперь она уже отступила, давая дорогу зиме. По переулкам гулял порывистый холодный ветер, доносивший запах снега с гор. Хмурое холодное небо низко нависло над домами, не пропуская ни единого лучика солнца. Где-то в отдалении ворчало, волнуясь, море.

Виктория глубоко вдохнула прохладный воздух. И снова, и снова – пытаюсь успокоиться. Теперь, когда Альтан не маячил перед ней, бросая в лицо беспочвенные обвинения, злость отступила. И едкая обида затопила ее, мешая дышать. За что он так поступил с ней? Ведь она за эти недели поверила, что стала хоть сколько-то ему дорога. И сама позволила себе увлечься. Да что там, хоть с самой собой можно быть честной? Она влюбилась в него, как наивная восьмиклассница, замирая от восторга, любовалась его красотой, затаив дыхание, следила за его героем на экране, преклоняясь перед талантом, раз за разом сдавая свои позиции. И вот теперь он так жестоко посмеялся над ней, выставил вон, обвинив бог знает в чем.

Виктория, махнув рукой, поймала такси, села на заднее сиденье и только тут, отгородившись от всего окружающего мира, дала волю слезам.

Проклятый Альтан проехался по ней катком. Не пощадил, не пожалел. Не снизошел даже до того, чтобы как-то культурно закончить роман, который, по всей видимости, стал ему в тягость. Растоптал чувства, прошелся по гордости и человеческому достоинству. Осознавать это, как и то, что она сама, как неопытная девчонка, позволила втянуть себя в жестокую игру, подставилась, так искренне потянувшись к малознакомому мужчине, подпала под его невероятное обаяние и придумала себе не имеющих отношения к реальности сказок, было больно. Очень больно.

Разорвав отношения с ней, Альтан, похоже, все силы бросил на то, чтобы развеять курсировавшие слухи о нем и русской писательнице. В светской хронике едва ли не каждый день появлялись фотографии с вечеринок, где он был непременным и самым заметным участником. Виктория не собиралась следить за его жизнью, но снимки, на которых он то отрывался в развеселой компании, то обнимался с очередной пассией на один вечер, выпрыгивали на нее буквально отовсюду. Альтан на них был бледноват – очевидно, сказывались последствия загула, – но неизменно скалился ненавистной ей улыбочкой. И вообще производил впечатление человека, крайне довольного жизнью.

Это тоже не улучшало настроения. Но Виктория была

не из тех женщин, кто, пережив любовную драму, уходит в себя и предается самобичеванию. Бунтарская натура требовала спрятать разбитые надежды подальше и доказать всему миру – а прежде всего самой себе, – что сломить ее никому не удастся. Что, несмотря на окончившиеся крахом отношения, она молода, хороша собой, все еще способна сводить мужчин с ума и радоваться жизни. Что ей не больно, нет-нет, ни капельки. Она продолжает жить и получать от жизни удовольствие.

Перевод фильма был окончен. Ее участие в постановке спектакля тоже завершилось. Все гонорары были выплачены, и в принципе в Турции ее ничего не держало, можно было отправляться домой в Россию. Но Виктория не была бы самой собой, если бы не решила в качестве компенсации за пережитое устроить себе небольшие каникулы. Уезжать оплеванной и поджавшей хвост? Черта с два! Она всем покажет, что жизнь ее после предательства Альтана не окончилась.

Позже, возвращаясь в воспоминаниях к этой точке своего прошлого, она не раз гадала, как могло бы все обернуться, если бы ее дерзкая натура не потребовала удовлетворения. И приходила к выводу, что, вероятнее всего, жизнь ее постепенно вошла бы в привычную колею. Острая боль от оскорбления постепенно затерлась бы, осталась где-то глубоко изредка ноющей занозой. Но в целом все могло бы обернуться куда благополучнее и для нее самой, и для других.

Однако сетовать на прошлые ошибки и бесконечно рисовать в воображении радужные картины несбывшегося тоже было не в ее природе. А потому таким размышлениям Виктория предавалась редко.

В тот же день, когда деньги за работы были получены полностью, она решила отметить успешное окончание проектов в клубе на Истикляль, куда часто заходила во время своих приездов в Стамбул. У этого заведения был некий богемный флер. Сюда заглядывали в основном представители творческих профессий, съехавшиеся в Стамбул со всего мира. Здесь несложно было встретить известного художника, за чьи картины ценители выкладывали кругленькие суммы, музыкантов набирающей популярность датской рок-группы, знаменитую актрису, только что покрасовавшуюся на красной ковровой дорожке в Каннах. И Виктория чувствовала себя среди этой публики в своей тарелке. Многие были ей знакомы, радостно махали руками, завидев ее в толпе, звали за свой столик, обменивались новостями. В общем, обстановка располагала к непринужденному веселью и дружескому общению.

В ту пятницу в клубе, как всегда, было шумно. Виктория для начала под села к стойке, перекинулась парой фраз со знакомым барменом, выпила полосатый коктейль в высоком бокале. Потом ее позвали за свой стол знакомые, завязалась беседа. Вопросов об отношениях с Альтаном никто не задавал, и Виктория постепенно расслабилась. Вероятно,

не так уж широко разошлись слухи об их романе, как Альтану нарисовало его большое воображение. Да и известность его, очевидно, была намного меньше, чем ему хотелось думать. По большому счету, всем этим молодым и талантливым хозяевам жизни было наплевать, что за драмы творятся у какого-то турецкого актера. Никто не собирался уделять им свое драгоценное внимание.

Викторию такой вариант более чем устраивал. Кроме всего прочего, он давал надежду, что вскоре и она сможет воспринимать случившееся как очередной малозначащий жизненный эпизод, перестанет видеть в нем крах единственной, слишком поздно настигшей ее настоящей любви.

Настроение слегка улучшилось, и, еще немного поболтав со знакомыми, Виктория отправилась на танцпол. Кое-кто из компании потянулся за ней следом, и вскоре на площадке образовался кружок. Виктория любила танцевать. Ей нравилось, как музыкальный ритм подчиняет себе тело, заставляет его двигаться в такт. Как музыка захватывает все существо, вытесняя докучающие мысли и сомнения. Нечто подобное она испытывала и когда плыла в море. Отдаться стихии, поймать ее дыхание, не противиться, но следовать за волной, зная, что тело само найдет способ слиться с ней, поймать плавное движение и вознестись на поверхность, к спящему солнцу.

Так было и сейчас. Музыка звучала все громче, плитки площадки, казалось, пульсировали под ногами, вспыхивали

и гасли вокруг разноцветные огни. И в этом ярком радостном подчиненном гармонии мире, кажется, не было места ни разбитой любви, ни горьким сожалениям. Знакомые улыбались ей, двигались в такт, кто-то передал высокий бокал с очередным коктейлем. И вроде бы удалось забыться, нырнуть в бушующий водоворот и отдаться течению.

Пристальный взгляд Виктория почувствовала затылком. Нет, даже не затылком, как будто всей кожей, всем своим существом. Кто-то, стоявший позади, смотрел на нее, не отводя глаз. Она не то чтобы всерьез верила во флюиды, в возможность невербального общения, но сейчас поклясться могла бы, что за ее спиной стоит Альтан. Слишком схожее ощущение охватывало ее, когда он смотрел на нее. Тот же импульс, та же энергетика...

Как он здесь оказался? И почему, заметив ее в толпе, не ушел, не побоялся, что их снова увидят вместе, и слухи, которые его так бесили, разгорятся сильнее? Быть может... он пожалел о своем поведении? Возможно ли, что он захотел все вернуть, забрать назад свои жестокие слова и попытаться начать сначала?

Виктория обернулась не сразу. Дождалась, пока очередная музыкальная композиция затихнет, и только после медленно повела головой, бросила взгляд через плечо. Разочарование словно плеснуло в лицо холодной водой. Нет, это был не Альтан. Этот человек лишь смутно напоминал его. Быть может, чуть раскосыми глазами или формой но-

са... Да, определенное сходство несомненно было. Но в этом мужчине не было ничего легкого, летящего, мальчишеского, что составляло львиную долю очарования Альтана. Ниже его ростом, шире в плечах, он производил впечатление приземистого, возможно, чуть грузного, хотя и не тучного, здоровяка, который крепко стоит на ногах. Волосы – каштановые, как и у Альтана, – не спадали шелковистыми прядями до подбородка, наоборот, были коротко острижены и колко топорщились у висков и над ушами. Тяжелый подбородок придавал лицу хмурое, жесткое выражение.

Нет, этот мужчина определенно не был Альтаном, и все же лицо его было Виктории знакомо. Когда прожектор, вспыхнув белым, ярко высветил его из толпы, она вдруг поняла, где его видела. На фотографии, в фанатском аккаунте инстаграма. Это был брат Альтана. Как он его называл? Ах да, Джан.

Внутри внезапно толкнулось что-то темное, мстительное. Вдоль позвоночника пробежал холодок, всегда означающий, что авантюрная натура подняла голову и потребовала дать ей волю. Виктория развернулась к мужчине, повела плечами, качнула головой, отчего волосы взмыли пшеничной искрящейся волной и распались по спине, и сделала шаг навстречу.

– Потанцуем? – предложила она, безмятежно улыбаясь.

Сколько раз ей доводилось видеть подобное? Как в глазах смотрящих на нее мужчин вспыхивает хищный огонек,

как ноздри их раздуваются от предвкушения, язык коротко пробегает по пересохшим губам. А затем жертва, наивно почитающая себя охотником, сама идет в руки. Джан помедлил пару секунд, как будто не веря, что белокурая красотка обращается именно к нему, и Виктория вдоволь натешилась про себя над его остекленевшим взглядом. Затем вспыхнул свекольным цветом, шагнул вперед и опустил горячие ладони на ее талию. От всей его крепкой приземистой фигуры веяло жаром, неловкие пальцы сминали легкую ткань ее платья. И все же, танцуя с ним, Виктория впервые за последние несколько дней искренне улыбалась. Пускай и от разгоравшегося внутри мстительного торжества. Интересно будет посмотреть, как перекосит физиономию Альтана, когда он увидит ее вместе со своим братом.

– Вы давно в Стамбуле? Я где-то видел вас, – прошептал Джан, обдавая ее шею горячим дыханием.

Он был чуть ниже рослой Викторией, и, танцуя с ним, она видела его коротко стриженную, присыпанную сединой макушку.

– Вот как? Любопытно, где же? – увернулась от ответа она.

Вспомнилось, как Альтан кричал ей, что его родственникам называют журналисты, спрашивая, действительно ли он собирается жениться на русской. Интересно, относился ли к этим родственникам Джан? Насколько пристально он следил за жизнью брата? И уж не в желтых статейках ли видел ее фотографии?

Но, если это было и так, Джан определенно не связывал лицо с фотографией со встреченной им в клубе прекрасной незнакомкой.

– Наверное, я видел вас во сне, – заключил он.

Виктория едва не фыркнула, слишком уж пафосно-слащавым вышло признание.

– Надеюсь, не в кошмарном? – поддразнила она.

Джан же, не уловив иронии, возразил:

– Как можно! Такая красота бывает только в мечтах или во снах.

– Так, может, вы и сейчас спите? – продолжала подначивать его Виктория.

– Признаюсь вам честно, я сам все время об этом думаю, – ответил он.

Вот это было, пожалуй, трогательно. Впрочем, в планы Виктории не входило проникаться к Джану какими бы то ни было чувствами. Ее задачей было отомстить Альтану, сделать ему так же больно, как он сделал ей. А Джан... Ну что ж, ему предстояло послужить просто орудием в ее руках. Не самый высокоморальный поступок. Но Виктория никогда и не считала себя святой.

Джан не отходил от нее, пригласил на следующий медленный танец, затем предложил угостить коктейлем.

– А ваши друзья вас не потеряли? – спросила Виктория, прощупывая почву. – Или вы здесь один?

– Я... нет, – неожиданно смешался он.

Проследив в направлении его взгляда, Виктория заметила за одним из столиков компанию, не сводившую с Джана глаз. Несколько мужчин и женщин смотрели на Джана и пораженно перешептывались, изредка бросая сочувственные взгляды на миловидную брюнетку с округлыми формами. Та сидела, бледная, и прожигала Джана оскорбленным взором. Должно быть, в компании она числилась его официальной девушкой.

«Ну что же, – решила Виктория, чувствуя, как ее захватывает знакомый темный азарт. – Поглядим, насколько преданным окажется твой кавалер».

– Знаете, мне уже пора, – сказала она Джану, отставляя на стойку опустевший бокал.

– Что вы? Не уходите! – всполошился тот. – Вечер только начинается.

– Это верно, – многозначительно кивнула она. – Но тут так душно и шумно... Хочется переместиться в более спокойное место.

Наблюдать за внутренними терзаниями Джана было забавно. Взгляд его заметался между ней и обиженной брюнеткой, щеки вспыхнули. Бедняга, кажется, никак не мог выбрать между поступком, достойным честного мужчины, и желанием, которое неудержимо влекло его к роковой блондинке.

– Идите, вас ждут, – подтолкнула его Виктория. – Было очень приятно познакомиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.